

Подперев голову рукой, Иньти размышлял о том, чем сейчас занят Иньжэн. Наверное, уже пришел в Императорскую школу. Но если он встретит там остальных... он сокрушенно вздохнул, уставившись в раскрытую перед ним учетную книгу. Новоприбывшие — фигуры слишком крупные, бывшие враги и соперники. Выдержит ли Баочэн такое испытание?

Очередной тяжелый вздох Иньти заставил Хунси досадливо скрипнуть зубами. Мерный стук колес покачивающегося экипажа не мог заглушить доносившийся с улицы гомон. Этим утром старший дядя безжалостно растолкал его, едва он успел смежить веки, — видите ли, тому приспичило лично проверить дела в семейных лавках. Вначале он казался бодрым и деятельным, но с чего вдруг так быстро растерял весь пыл и погрузился в уныние? Хунси плотнее завернулся в тонкое одеяло и отвернулся к стенке — с глаз долой, из сердца вон. Однако стоило закрыть глаза, как этот тихий, тоскливый вздох вновь зазвучал над самым ухом. Не выдержав, Хунси резко сел и сердито уставился на Иньти: неужели тот не знает, что от недосыпа дети плохо растут?!

Но, увидев на лице Иньти редкое выражение щемящего одиночества, Хунси осекся. Даже в прошлых жизнях, когда он по велению отца присматривал за двоюродным братом Хунъюем и изредка сталкивался со старшим дядей, он никогда не видел того в столь жалком состоянии. Раздражение улетучилось без следа. Он молча устроился рядом.

Понаблюдав за тем, как быстро сменяются эмоции на лице Иньти, Хунси из любопытства тихо спросил:

— Дядя, о чем ты так горюешь?

— О Баочэне... — не подумав, обронил Иньти.

Хунси опешил от такой откровенности, а мгновение спустя его захлестнула злость. Кому понравится, когда посторонний мужчина — да еще и бывший злейший враг — вздыхает по твоему родному отцу? Что за нелепый спектакль разыгрывает этот старый вояка?!

Иньти, впрочем, разозлился не меньше. Он холодно взглянул на племянника, но поделать с ним ничего не мог. Вспомнив, как вчера сломя голову мчался домой и застал Хунси лениво греющимся на солнышке у окна, он невольно признал: эти двое — истинные отец и сын. словно кармические должники, явившиеся взыскать с него старые недоимки. Ни ударить их, ни обругать — только беречь да опекать. А если с ними что случится, его собственное сердце изойдет кровью. Слегка прищурившись, Иньти даже не попытался скрыть досаду, однако сменил тему:

— Баочэн сейчас наверняка столкнулся с теми троими.

Хунси вздрогнул под этим леденящим взглядом и опустил глаза. Все-таки старший дядя прошел суровую школу войны, и его давящую ауру вынести было непросто. Справившись с волнением, он глухо отозвался:

— Мы доподлинно знаем, чья душа скрывается в теле шестого принца Юнжуна. Из оставшихся — восьмого Юнсюаня и одиннадцатого Юнсина — кто-то определенно Юнчжэн. С четвертым принцем Юнчэном пока неясно, но это наверняка один из той троицы. Мне почему-то кажется, что он больше похож на четырнадцатого дядю. Ну и что с того, если отец их встретит?

— Боюсь, он не удержится и возьмется за плеть... — хмуро обронил Иньти.

Хунси коротко усмехнулся:

— А я скорее боюсь, что отец решит пощадить их шкуры.

Иньти удивленно повернулся к нему. Племянник все еще мягко улыбался, но смотрел с неживым, пронизывающим холодом.

— Сейчас отец должен сдерживать себя, — ледяным тоном добавил Хунси. — Ныне он не прежний наследник престола, а двенадцатый принц Юнцзи, старший сын законной императрицы Нала. Ему нельзя выдавать себя.

Иньти промолчал, признавая его правоту.

Прикрыв глаза, Хунси с горькой усмешкой обронил:

— Они ни за что его не узнают. — Помолчав мгновение, он негромко добавил: — По крайней мере, сейчас.

Тем временем в стенах Императорской школы разыгрывалась безмолвная драма. Стоило братьям сойтись в одном покое, как между ними проскочила искра узнавания. Старые обиды, ненависть и невысказанное соперничество разом всколыхнулись в их душах, требуя выхода. Каждым из них владела глухая злоба. Переродившись в новом времени, они шли сюда в надежде разыскать близких по духу соратников, но судьба посмеялась над ними, столкнув лицом к лицу с заклятыми врагами.

Иньчжэнь, некогда бывший четырнадцатым принцем, с трудом сдерживал ярость, глядя, как Иньсян и его единокровный брат, бывший император Юнчжэн, идут плечом к плечу, демонстрируя трогательное семейное согласие. От этой картины у него кровь закипала в жилах. А уж когда он вспоминал их нынешний статус, он сжимал зубы от злости. Неужели ему на роду написано вечно оставаться чужим среди собственных братьев?

Иньсы, как обычно, приветливо улыбался, но эта мягкая полуулыбка была лишь искусно сработанной маской. По верным друзьям, Иньтану и Инь-э, чья судьба в этом мире оставалась неизвестной, он сильно тосковал. Глядя на неразлучную двойку соперников, он с горечью

вспоминал, как когда-то они тоже были неразлейвода — нерушимый союз троих, от которого теперь осталась лишь тень одиночества.

Почувствовав, как стоящий рядом брат так и трясется от едва сдерживаемой жажды расправы, Иньсы ободряюще коснулся его плеча. Слава богам, хотя бы этот преданный союзник остался подле него. Попытавшись разузнать о положении дел при нынешнем дворе, Иньсы обнаружил, что его нынешние связи ограничиваются лишь мелкими чиновниками из Департамента дворцового хозяйства. Поначалу он пренебрег этой силой, но вскоре убедился, что хваткой они не уступают его былой тайной сети «Великий лебедь». Судя по хроникам минувших лет, Юнчжэн правил железной рукой. Чтобы приструнить своевольную знать из правящего дома, он без колебаний возвысил дворцовых слуг, наделив их небывалым влиянием. По счастью, у Хунли хватило ума держать этих выскочек в узде, иначе свора алчных прихлебателей давно обвела бы трон вокруг пальца. А вот его собственная клика, некогда могущественная «партия восьмого принца», была выкорчевана безжалостно и до конца. Уцелела лишь горстка верных людей из «Великого лебедя», но Иньсы не знал, забыли ли о них по недосмотру или же держали на примете в качестве приманки.

Иньсян тоже без труда узнал соперников, но у него не было ни малейшего желания вступать в пререкания. С тех пор как ему открылась горькая участь его сыновей в прошлой жизни, на него навалилось глухое оцепенение. К чему были все эти стремления? Ради чего он не жалел сил? Чтобы доказать преданность четвертому брату? Или он просто привык изнурять себя работой ради скупой монаршей похвалы? Вся прошлая жизнь теперь казалась ему бессмысленной суетой.

Иньчжэнь подавил бушевавший в душе ураган мыслей и принялся пристально разглядывать присутствующих. Однако той ослепительной фигуры, чей образ навсегда врезался в память, он среди учеников не нашел. Он почувствовал легкое разочарование. Скользя ледяным взглядом по затылку сидящего перед ним Фу Эртая, Иньчжэнь прикрыл глаза и принялся мысленно читать Алмазную сутру, надеясь усмирить глухой гнев.

Иньжэн и Хунши, разумеется, сразу подметили чужие натянутые мины. Как-никак, эти лица они знали слишком хорошо, чтобы обмануться.

Скользнув взглядом по застывшей фигуре одиннадцатого принца Юнсина, от которого так и веяло могильным холодом, Иньжэн раскрыл трактат «Учение о срединности». Он презрительно усмехнулся:

"Что ж, это обличье ему к лицу. Не вмешайся я вовремя, он стал бы приемным сыном императрицы и возвысился бы еще больше, отравляя мне жизнь одним своим видом. Видно, в подобных делах нельзя давать себе поблажек — нужно действовать решительнее. А этот восьмой принц Юнсюань, что тенью следует за старым четвертым... Неужели наш верный тринадцатый? Превосходно. Как славно, что все вы собрались в одном месте! Я непременно верну вам должок за то, как «заботливо» вы обошлись с моим Хунси"

Иньжэн перевел взгляд в сторону, и он едва заметно и хищно улыбнулся:

"О, и четырнадцатый тут как тут, да еще и подле восьмого?"

Иньжэн лукаво прищурился. Да уж, в Императорской школе намечалось знатное веселье — бывшие фракции «четвертого» и «восьмого» снова сошлись в равном числе! Однако его взгляд упал на натянутого как струна Хунши, и улыбка угасла. Иньжэн сочувственно поджал губы:

"Хунши..."

Вновь увидев Иньсы, Хунши удивленно отметил, что старая душевная рана почти затянулась. Вероятно, дело было в том, что тоску по отцовскому теплу, которую он так долго лелеял, он теперь сполна утолил в другом человеке.

"Восьмой дядя", — мысленно повторил он обращение, сопутствовавшее ему всю прошлую жизнь. К его изумлению, на душе было спокойно и тихо, словно в заброшенном колодце. Выходит, на свете нет незаменимых людей... А быть может, родство душ — это дар судьбы, который нельзя вымолить силой, и их привязанность к дяде никогда не была столь крепкой, как ему грезилось. Хунши мысленно посмеялся над собственной наивностью.

Вдруг кто-то сжал его руку. Мгновенное тепло изгнало утреннюю прохладу из озябшего тела. Поборов минутное изумление, Хунши крепко сжал руку Иньжэна. Он поднял глаза и встретил успокаивающий, теплый взгляд второго дяди. Натянутые струны его нервов разом ослабли. Хунши благодарно улыбнулся Иньжэну. Вместе с остальными учениками они поднялись, приветствуя вошедшего наставника Цзи Сяоланя легким поклоном, после чего чинно уселись за книги. До него донеслась привычная возня Юнци и Сяо Яньцзи, сидевших впереди, но этот шум больше не раздражал Хунши. На душе воцарился покой. Они готовились к этому долгие годы, и даже если бывшие враги раскроют их тайну — какая разница? Теперь их четверо, и вместе они сокрушат любые преграды.

Император Канси, ныне занимавший престол под именем своего внука Хунли, без малейших усилий управился с государственными делами. И хотя слащавая лесть придворных вызывала у него глухое раздражение, в целом он остался доволен наследством: при всей своей легкомысленности Хунли вел дела империи разумно и крепко держал бразды правления в руках.

Вчерашний императорский указ вызвал немалое брожение среди сановников. Решение государя выказать милость опальным дядьям — дело сугубо семейное, и чужакам совать туда нос не полагалось. Но этот шаг открыто ставил под сомнение волю покойного Юнчжэня. Подобное распоряжение ложилось еще одним темным пятном на и без того мрачную славу ушедшего владыки. Придворные сочли долгом высказать несколько дежурных предостережений ради приличия. Старые, тертые жизнью сановники давно были вышколены и помалкивали, а молодые чиновники уповали на то, что в последние годы император благоволил идеям «милосердного правления». Впрочем, воля монарха была непреклонна, а потому все возражения так и остались сотрясением воздуха.

Уладив эти дела, Канси укрепился в мысли, что власть его преемника прочна. Вспомнив о правнуках, грызущих гранит науки в Императорской школе, он велел подать паланкин и отправился навестить учеников.

У самых дверей Императорской школы евнух пронзительно пропел:

— Его Величество Император прибыл!..

Находившиеся в покоях вздрогнули от неожиданности и разом опустились на колени:

— Сын приветствует царственного отца!

— Нижайший слуга приветствует Ваше Величество!

Внимательно оглядев коленопреклоненную толпу, Канси ощутил смутное беспокойство. Увидев нелепую черную макушку принцессы Хуаньчжу среди благообразных причесок, он поморщился от досады. Подавив раздражение, он небрежно бросил:

— Встаньте.

Ученики поднялись и замерли. Канси неторопливо оглядел царевичей. На первый взгляд — славные отроки, но вскоре император понял, что именно резало ему глаз. Четвертый, пятый и шестой принцы уже давно должны были покинуть эти стены и обустраивать собственные резиденции, но вместо этого продолжали просиживать шелка в Императорской школе! О чем только думал Хунли? А этот пятый принц Юнци, державшийся с непомерным высокомерием... Разве можно растить наследников как изнеженных комнатных собачонок? Едва поднявшееся настроение государя вновь испортилось. По залу разлилась удушливая аура истинного самодержца, заставив присутствующих еще ниже склонить головы.

Скользнув взглядом по лицам присутствующих, Канси остановил взор на Иньжэне. «Что ж, посмотрим, каков в учении законный сын нынешней императрицы Нала», — подумал он.

Поддавшись порыву, император обратился непосредственно к двенадцатому принцу:

— Юнци, поведай мне: в чем суть учения о срединности?

Эта властная походка, этот пронзительный взгляд, сам вопрос... Перед ним стоял не Хунли. Это был он!

Иньжэн мелко задрожал. Когда он заговорил, в его голосе явственно слышалась дрожь — и на девять десятых она была подлинной. Но дело было вовсе не в страхе, а в нечеловеческом усилии, которое требовалось, дабы сохранить лицо. Их царственный отец... их великий Шэнцзу

тоже вернулся в подлунный мир!

Душу Иньжэна затопила паника. Он знал, как вести себя с братьями: делать вид, будто они незнакомы. Точно так же он отрекался от Иньти, словно надеясь стереть прошлое. Но человек, который когда-то лишил его всего и поверг в пучину смертного отчаяния... Зачем он явился сюда?!

Канси терпеть не мог малодушия. Отношение самодержца к тем, кто осмеливался говорить при нем громко и твердо, всегда оставалось двояким: покуда они не задевали его гордости, он охотно потакал им, балуя словно комнатных любимцев. Но стоило этой забаве наскучить, как ее безжалостно выбрасывали вон. В конце концов, у государя никогда не бывало недостатка в новых игрушках — услужливые льстецы наизусть знали его прихоти и всегда были готовы преподнести свежее развлечение.

И пускай Канси помнил о немилости, в которой Хунли держал своего двенадцатого сына, он все же надеялся, что из этого отрока еще можно высечь что-то путное. Но столь малодушное поведение окончательно разочаровало императора. Сдержав вздох пренебрежения, он повернулся к Хунши и задал тому пару простых вопросов. Ответы мальчика были гладкими и правильными, но не несли в себе и искры живого ума. Канси окончательно разуверился в талантах детей императрицы Нала. «В таком возрасте их способности уже предопределены», — уныло заключил он. Сухо обронив несколько дежурных напутствий, государь переключил внимание на остальных учеников.

Величественная, грозная аура Шэнцзу заставила его переродившихся сыновей прослезиться. Вопросы, слетавшие с уст императора, лишь подтвердили их самые смелые догадки. Они почувствовали, как сердца забились в безумном ритме, а мысли спутались в клубок из обиды, злости и щемящей тоски. Ведь все те жестокие распри прошлых лет велись лишь ради одного — заслужить хотя бы мимолетное одобрение строгого отца. Забыв обо всем на свете, забыв, что они находятся в чужой эпохе, восставшие из мертвых царевичи включились в негласное состязание. Они сыпали цитатами из канонов, приводили тончайшие философские толкования и из кожи вон лезли, чтобы довести свои ответы до совершенства.

Наставник Цзи Сяолань лишь беззвучно открывал рот от изумления. Неужели в юных принцах внезапно пробудился гений? Или они годами притворялись глупцами, скрывая истинный блеск? Но к чему выставять его напоказ именно сейчас? Глубина познаний его учеников уязвила гордость ученого мужа, заставив его покраснеть от стыда и пообещать себе сегодня же засесть за книги.

Пятый принц Юнци ревниво и зло зыркал на братьев, а стоящий за его спиной Фу Эртай холодел от нехорошего предчувствия. Похоже, эти тихие, незаметные царевичи все это время водили их за нос и оказались грозными соперниками, чьи таланты превосходили любые ожидания.